

Глава 1

Сила тяжести опасна сама по себе, а если ее смешать со страхом высоты, то выйдет гремучий адреналиновый коктейль. Если душа не дырявая, воспаляющий впрыск будет поступать в самое сердце, а через него — в мышцы, заставляя их работать в экстренном режиме. Ну а если есть слабина, то страх уйдет в пятки, ноги затяжелеют, кончики пальцев онемеют. Как тогда карабкаться по скале, да еще и без страховки?

Скала высокая, отвесная, подъем жесткий, опасный. Но Захар знал, как тут быть. Для него эта гора вроде жены с крутым нравом и пышным бюстом. Шутить с ней чревато, к такой только серьезный подход, если хочешь любви — старайся, покоряй. В то же время известны точки воспламенения на ее теле, изучены все выступы и выемки.

Так же и с Кукуй-горой. Захар знал, как забраться на самый верх, за какой камень взяться, куда поставить ногу. Страх высоты не тянул его

вниз. В душе — фурор, эйфория, но парень держал чувства в узде. Нельзя их разгонять, а то понесет, и рухнешь камнем вниз, на островерхие валуны, торчащие из воды.

Зойка при этом не пострадает. Она идет своей тропой, спокойно, без напряжения. Девчонка худенькая, но сильная, выносливая.

Когда-то они покоряли Кукуй-гору всей компанией: Жак, Лукич, Рамон, Маяк, Рапс и, конечно же, Зойка, верный друг и товарищ. Приезжали на Водь, разбивали лагерь, а потом вверх, туда-сюда. Когда наловчились, стали ставить палатки на самом верху. Чуть ли не всю карликовую березу там в свое время на дрова извели.

С тех пор много воды утекло. Жак застрял в армии, шестой год погоны носит, все горы в Чечне облазил. Лукич и Рамон свое уже отслужили, в автосервисе работают, жены у них на сносях. Маяк и Рапс от армии откосили, один на рынке сейчас торгует, другой таксует. У Маяка уже не только жена, но и дети. Рапс — убежденный холостяк, но на Водь ехать не захотел.

До вершины оставалось метра три, всего ничего, но это был самый сложный участок как в физическом плане, так и в моральном. Каждый раз в этом месте Захар вспоминал свой первый подъем. Его тогда с жуткой силой потянуло вниз, возникло желание сигануть с высоты. Он с немалым трудом преодолел себя и осилил подъем. С тех пор ни одной осечки. Хотя каж-

дый раз в этом месте сердце замирало, а душа сжималась.

Зато на самой вершине она раскрывалась на всю ширину, раздувалась как парус на ветру. Это ощущение сравнимо было с ярким приходом, который испытывает наркоман после укола. Высота — это и есть наркотик, даже если под ногами твердая почва.

Захар вздохнул полной грудью, бросил взгляд на родной Алтанайск, едва заметный в туманном далеке, и вдруг заорал во всю глотку:

— А-а-а!

Вот он и дома!

Захар улыбнулся, насмехаясь над собой, и повернул обратно. Ему вдруг захотелось помочь Зойке. Она уже готовилась к последнему рывку, когда парень подал ей руку.

Он и раньше это делал, но Зойка всякий раз отказывалась. Ему было пятнадцать, когда он забрался на Кукуй в первый раз. Зойке тогда исполнилось тринадцать. Она была с ними с самого начала. Гордая, независимая. Да, прежде девчонка отказывалась от джентльменской помощи, а сейчас улыбнулась, протянула руку и позволила взять себя на буксир.

Захар потянул ее на себя, и она вдруг оказалась у него в объятиях. Маленькая, худенькая, невесомая. Стрижка у нее короткая, под мальчика, но девочку в ней видно издалека. Выражение лица у нее всегда строгое, порой жесткое, но в раско-

рых глазах женская нежность и поволока. Чувственный рот, сочные, хотя и не покрашенные губы, ровный носик. Грудь, да, почти как у мальчика, едва просматривается. Но главное в том, что пахнет от нее женщиной. Да и обаяние отнюдь не мужское.

— И что дальше? — глядя на него снизу вверх, спросила она.

Захар как-то не думал брать Зойку с собой, она сама напросилась в поход. Возникла вдруг из ниоткуда, сказала, что едет с ним. Утром он сел на мотоцикл, а она уже в люльке. Неспроста все это.

— Ты почему со мной поехала? — осведомился он.

— Скучно, — коротко сказала она и добавила: — Без тебя. — Внутри у нее что-то дрогнуло, взгляд повело в сторону, но Зойка заставила себя смотреть прямо, на Захара.

— Ты же знаешь, где я был.

— Я тебя ждала, — выдавила она.

Захар в армии служить не хотел, уклонялся от призыва, но почти год отработал на оборону. После техникума он устроился на станкостроительный завод, который специализировался на производстве боеприпасов. Дернул его однажды бес вынести с завода с десятков пистолетных патронов. Маяк сказал, что есть покупатель, а Захару нужны были деньги. Вот так он, гражданин Байкалов, и влип. На целых четыре года общего режима.

— Я о тебе думал, — сказал Захар.

Он не был влюблен в Зойку, и нравилась она ему как друг, как товарищ. В зоне был грех, одолевали его непристойные мысли на ее счет. Но Захар к ней не рвался. Ему все равно было, с кем она встречается да и есть ли у нее кто-то вообще.

— Думал. Но не писал, — сказала она и усмехнулась так, как будто прочла его мысли.

— Может, надо было?

— Если в письмах нет смысла, зачем они нужны?

— А в чем есть смысл?

— В пустых словах их точно нет. — Зойка усмехнулась краешком губ.

Захар понял намек. Не для того Зойка забралась с ним на высоту, чтобы он сопли перед ней развешивал. Ей двадцать два года, она давно уже не девочка, так что не надо ля-ля.

Парень обнял Зойку покрепче, прижал ее щекой к своему плечу. Она закрыла глаза и приоткрыла рот в ожидании поцелуя. Он не заставил себя долго ждать.

Губки у нее сочные, как на вид, так и на вкус. В теле женский магнетизм. А Захар жутко голодный по этой части.

Он сбросил с Зойки рюкзак вместе со штормовкой и аккуратно уложил ее на траву, чуть ли не на самый край обрыва. Мир сузился до размеров лица, тела, которое вибрировало под ним, извивалось, подстраиваясь под него.

Его рюкзак отлетел в сторону, рядом с ним легла куртка. На куст упали ее брюки, на них навалились его джинсы.

Дикий восторг требовал разрядки. Тела входили в резонанс, мало-помалу сдвигались к обрыву. Захару хотелось кричать от острых ощущений. Он дома, на вершине своей любимой горы. С ним та самая девушка, о которой он грезил на зоне. Мечты сбывались в яркой и взрывной феерии чувств. На самом краю пропасти.

Захар все видел и понимал, но страх перед высотой лишь усилил ощущения. Это было нечто невероятное!.. Если бы не корни карликовой березы, прогнувшиеся под весом их тел, они уже свалились бы вниз.

— Одно движение, и все, — сказал Захар.

Он смотрел через плечо Зойки, видел быструю, сверкающую воду реки, сквозь ветер слышал шум далеко внизу.

— Страшно было бы умереть без тебя, — улыбнулась она. — А с тобой нет.

— Так вместе и сковырнемся?

— Ты держи меня крепко-крепко. — Она обнимала Захара, вжимала ладони в его спину.

— Я там уже был, — сказал он.

— Где?

— В аду.

Байкалов попал в беспредельную зону, где балом правил закон силы и подлости. Чья банда сильнее, тот и прав. Захар вырос на улице и умел

постоять за себя, но ему пришлось нелегко. Он пробовал выстоять в одиночку, но под напором беспредела примкнул к стае и все четыре года был по-волчьи. А где стая, там и схватки за право сильного, борьба за выживание.

— Этого шрама у тебя не было, — сказала Зойка, пошевелив пальцами, под которыми бурился рубец от удара заточкой.

В бане Захара подкараулили. Хотели насадить на острие плотно, с проворотом, так, чтобы наверняка. Он вырвался, извернулся и даже вернул врагу заточку — острием в живот. Да, парень действительно побывал в аду.

— Ты помнишь все мои шрамы? — Он удивленно повел бровью.

— Твои — да.

— Меня не было четыре года.

За это время Зойка могла выйти на второй или даже на третий десяток мужчин. Может, так оно и было.

— Я другие шрамы не замечала.

— Но было?

— А если я скажу, что нет, ты поверишь?

— Нет.

— И правильно сделаешь.

— Но ты же об этом уже забыла?

— Я и не помнила.

— Мы теперь вместе. Нам надо как-то выбираться...

Захар крепко вцепился рукой в траву, дернул, проверяя зацеп на прочность, сдвинулся в сторону, лег на бок, увлекая за собой Зойку. Потом он перевернулся на спину и почувствовал под собой твердую почву. Зойка оказалась верхом на нем.

Захар глянул на ее маленькие груди, украшенные затвердевшими капельками сосков. Не так уж все и плохо. Он обожал пышные бюсты, но и в уменьшенных пропорциях есть своя прелесть.

— Выбрались? — спросила она.

— Мы еще в самом начале пути, — сказал он и задумался.

Зойка хороша собой, но есть варианты лучше. Их много. Очень скоро его потянет на поиски, тогда Зойка станет лишней. Не стоило бы втягивать ее в свою орбиту, пусть она будет свободной планетой.

— Но уже твердо лежим на спине, — сказала она и улыбнулась.

— Ползком на спине далеко не уедешь.

— Значит, надо становиться на ноги. — Зойка встала, ничуть не стесняясь своей наготы, нагнулась и подняла с земли футболку.

Он тоже стал одеваться и заявил:

— Надо что-то думать.

— Устроишься на работу, — спокойно, как о чем-то само собой разумеющемся, сказала она.

— С моей судимостью?

— У нас в магазине есть вакансия.

— Грузчика?
— С функцией товароведа, — совершенно серьезно проговорила Зойка.

— Спасибо, не надо.

— Почему?

— Грузчиком много не наработаешь.

— А тебе нужно много? — спросила Зойка и с иронией, но вместе с тем и настороженно глянула на него.

— Мне нужно очень много. — Захар раскинул руки, с высоты глянул на родной город. — Я должен построить здесь дом!

— Здесь?

— Я в восторге от этого места! Хочу здесь жить! — Он говорил в шутку, но в то же время совсем не прочь был бы поставить здесь дом.

— Троллейбусы сюда не ходят.

— Именно поэтому мне нужен вертолет.

— Оказывается, все очень просто. — Зойка явно развеселилась.

— Да, надо всего лишь очень захотеть.

— Или начать с малого. — Она сняла с рюкзака палатку в чехле.

Захар озадаченно поскреб щеку. Уж не думает ли барышня, что это шалаш для их маленького рая?

Палатку поставить нетрудно. И костерок затем развести — в удовольствие. Приготовить ужин, принять на грудь для разогрева души, а потом в постель. Все это будет. А что дальше? Что-то не

очень хотелось Захару связывать себя отношениями с Зойкой. Не для того он выходил на свободу, чтобы тут же лишиться ее.

Но в то же время парень понимал, что Зойка поехала с ним в горы не за туманом, а за чем-то куда более крепким. Девчонке уже двадцать два года, самое время завести семью. Головой нужно было думать, прежде чем укладывать ее на спину. Понимать, что Зойка не та баба, которую можно взять и бросить. Они ведь росли вместе. Хочет он того или нет, но Зойка его реальный друг.

Захар приложил руку ко лбу. Вот так попал!

— Не надо, — Лилия качнула головой, отталкивая от себя шаловливые руки.

Виталий Дмитриевич — ее начальник, директор и самый крупный акционер строительного управления.

— Ну, Лилечка!.. — Горошин снова попытался усадить ее на стол.

Но Лилия на этот раз оттолкнула его самого.

— Не здесь.

Личная жизнь у нее не заладилась. Максим после двух лет совместной жизни жениться на ней не захотел. Зато с ее подругой сошелся через месяц после знакомства. А сына оставил ей. Хорошо, что не отказывается от него, иногда берет к себе.

Ей уже тридцать лет, на руках пятилетний мальчонка, жениха нет. Есть только любовник.

Горошин — мужчина солидный, состоятельный, перспективный. Только вот из своей семьи он никогда не уйдет. Да Лилия и не настаивает. Как есть, так пусть и будет, но только не в кабинете, не на рабочем столе. Она же не шлюха. Тем более что у него есть квартира, расположенная неподалеку от управления. Там Лилия уступит ему без вопросов.

— А где?

— Виталий Дмитриевич, тут документы на подпись. — Она легонько стукнула пальцами по папке.

— Понимаешь в чем дело... — Он озадаченно провел рукой по голове. — Если нам где-то и можно, то только здесь.

— Вот! — Лилия положила папку на стол, раскрыла ее.

Она заправляла делопроизводством, бумажная работа — ее хлеб.

— Ты же знаешь, скоро выборы.

Горошин баллотировался на пост главы городской администрации.

— Так я и не настаиваю.

«Если его смущает наличие любовницы, пусть расстанется со мной. Убиваться я не стану. Хотя и терять Виталия, в общем-то, не хочется. Я не красавица, в моем положении лучше что-то, чем ничего», — подумала Лилия.

— Против меня такие люди!.. — Горошин повел правой рукой в одну сторону, а левой — в другую.

Лилия пожала плечами. Ноздря в ноздю с Виталием шел какой-то Посыхов. Это имя ей ни о чем не говорило. Кто там за ним стоял, все равно. Ни к чему вникать в такие сложности. Главное, чтобы с Виталием ничего не случилось.

— Если журналисты про нас пронюхают, они меня загрызут. Так что нам отсюда высовываться нельзя, — сказал он, кивком показал на окно, снова обнял Лилию и попытался усадить ее на стол.

— А если у тебя здесь видеокамера? — спросила она.

— Видеокамера?! — Он отскочил от нее как от чумной.

— Давай после выборов. Если можно будет.

— Почему же нельзя?

— А вдруг мэром станешь?

— А мэр что, не человек?

— А кандидат в мэры?

Секс для нее — далеко не самое главное. Она спокойно может обойтись без мужчины в своей постели. Если надо, обождет, пока страсти вокруг выборов улягутся. Если вдруг Виталий совсем оставит ее, что ж, значит, не судьба.

— Кандидат в мэры — это дичь, жертва!.. Но не человек. — Виталий улыбнулся, вернулся за стол, сел, opravил полы пиджака, взял «Паркер» с золотым пером.

Когда он покончил с делом и положил авто-ручку, Лилия легонько притерлась бедром к его плечу.

— Ты что-то хотела спросить? — Его рука обвила ее талию.

— У меня брат вернулся.

— Откуда?

— Вернулся.

Она не хотела говорить, что Захар освобожден из мест заключения. Зачем, если Горошин и так все знал? Более того, он обещал устроить его на работу, помощником прораба, например. Или хотя бы рядовым строителем, но официально, с записью в трудовой книжке.

Горошин продолжал обнимать ее за талию, но хватка его ослабла.

— Журналисты об этом могут узнать. Скажут, что я связан с криминалом. Зачем это мне нужно?

— Захар — не криминал. — Лилия качнула головой. — Он просто оступился.

— Так я ничего и не говорю! Давай подождем, пока пройдут выборы. Сейчас я могу взять его чернорабочим... без трудового договора.

— Чтобы он чувствовал себя отверженным?

— А давай я его сторожем возьму. Неофициально. Это стройматериалы! Мое доверие!..

— Хорошо, — согласилась Лилия.

Они с Захаром давно остались без родителей. Лилия была уже совершеннолетней, а Захара могли забрать в детский дом. Она не позволила. Сначала доказала свою дееспособность, затем оформила опеку и поставила брата

на ноги. Удержаться на них он не смог, но ведь это по глупости. Дернул черт за руку, с кем не бывает.

Банк — не только деньги, но и инструмент финансового влияния, гарантия власти в руках могущественного человека. Именно таковым Ставр себя и считал. Он имел право на такое мнение, был самым крутым гангстером в городе. За ним — реальный авторитет, сильная команда, сферы влияния, территории, с которых он кормился.

Но рэкет, крыши, наркота и прочий темный бизнес уходили в прошлое. Теперь на первом плане у него стояли законные дела — коммерция, рестораны, аренда недвижимости.

Но и это не самое главное. Ставр основал свой собственный банк, в котором теперь должен был обслуживаться весь бизнес, подконтрольный ему. У него созрели очень серьезные планы на будущее. Через инвестиции в коммерческие и промышленные предприятия он собирался подчинить себе все, что могло приносить прибыль. Ставр уже учредил фонд, который финансировал обучение студентов. Они получают юридическое образование, будут работать в судах, в прокуратуре, в милиции. Мало того, он всерьез поставил на рабочую лошадку, которая в самое ближайшее время должна стать мэром города.

Посыхов сидел перед ним. Смирненное выражение лица, скованное положение тела, за-

искаивающий взгляд, явный дефицит уверенности в себе. Но так по-другому и быть не могло. Посыхов зависел от него целиком и полностью.

— Горошин вырывается вперед. Если его не остановить... — Посыхов удрученно вздохнул и развел руками.

— Ты еще заплачь, — заявил Ставр.

— Нет, я не плачу, просто говорю. — Посыхов расправил плечи, выпрямил спину, но чувством собственного достоинства так и не преисполнился.

Важным и величественным он станет, когда въедет в главный кабинет городской администрации. Старый мэр почил в бозе, исполняющий обязанности главы котируется слабо, поддержки у него нет, поэтому шансы у Посыхова достаточно серьезные. И у него, и у Ставра.

— Как остановить Горошина? Говори!

— Есть варианты.

— Например?

Ставр чувствовал себя важным и величественным уже сейчас. У него свой банк, кабинет — образец офисного великолепия. Он может распоряжаться судьбами людей, надо будет, прихлопнет Посыхова как муху. И никто ничего не узнает.

— Любовница у него есть. Надо, чтобы она сделала заявление в прессу. Так, мол, и так, обещал жениться.

— Совратил, обесчестил?

— Да, вроде того.

- Так в чем же дело?
- Я отправлял человека, она послала его к черту.
- Человека посылал или лоха?
- Реальных людей у меня нет.
- Всю грязную работу на меня хочешь свалить? — спросил Ставр и хищно сощурился.
- Нет, просто говорю. — Посыхов сжался под его взглядом

Ставр махнул рукой. Нельзя Посыхова вмазывать в грязное дело. Замарается — потом не отмоешь. А других кандидатов на пост мэра у Ставра не было.

— Скажешь, кто такая, разберемся.

У него были люди для решения таких проблем. Целая бригада. Пока эта сила с ним, никто ему в этом городе не страшен.

Глава 2

Воскресный день даже для зоны выходной. А Лилия гнала Захара на работу.

— Да ты пойми, чудак-человек, тебя взяли сторожем! Тебе доверяют!

— А чего ты раскричалась? — Захар удивленно вскинул брови, подошел к сестре, обнял ее с теплым родственным чувством.

Лиля была ему как мать. Он ее любил. А еще больше уважал. Если она сказала, значит, так и надо сделать. Захар должен взять под козырек.

— Давай, через два часа тебя будут ждать.

— У меня поршневой палец полетел.

Старенький мотоцикл с люлькой отстоял в сарае весь срок в исправном состоянии, а вчера сломался. Захар разобрал движок, снял старый поршневой палец, но еще не установил новый за неимением такового. На барахолку надо ехать, а сестра на работу гонит.

— Свой вставь, — сказала Лиля, не моргая, глядя ему в глаза.

— Куда?

— Туда и вставь. И ножками, ножками!

Захар улыбнулся. Сестра у него женщина справная. Круглолицая, розовощекая, не толстая, но в теле. Вроде бы тихая, спокойная, без глупостей, но с юморком, за словом в карман не лезет.

— Да нам хоть на край света. Лишь бы без конвоя.

— Типун тебе на язык.

— Да я в шутку.

— А не надо шутить. На стройке кирпичи, цемент, арматура. Украдут, вместе отвечать будем.

Захар кивнул. Если Лиля поручилась за него, то он не вправе подвести ее.

Лиля собрала тормозок в дорогу и вышла во двор, где резвился маленький Сашка. Ему всего пять лет, за ним глаз да глаз нужен.

Захар собрался, вышел во двор. Дом у них небольшой, старый, всего на восемь квартир, но двор довольно-таки просторный. Пыльная пло-

шадка для футбола, качели без сидений, длинный ряд сараев.

У качелей стояла Лиля с Сашкой на руках. А напротив нее два каких-то подозрительных типа в черном. Сестра была явно встревожена, пацан хныкал.

Захар со всех ног рванул к ним. Ножа у него при себе не было. Значит, придется голыми руками. О том, что драки может и не быть, он не думал. Парень привык настраиваться на самый худший вариант, поэтому его трудно было заставить врасплох.

— Ну и что здесь такое? — угрожающим тоном спросил он.

К нему повернулся плотный парень с маленькими узкими глазками. Круглый кончик широкого в основании носа, квадратный подбородок, шрам на шее. Наверное, кто-то пытался перерезать ему горло. Это украшение должен был закрывать черный шелковый платок, повязанный вокруг шеи, но он сполз вниз.

— Да ничего, — заявил круглоносый тип, смеясь его взглядом.

— Захар, все хорошо, — сказала Лиля и натянуто улыбнулась.

Сашка перестал плакать. Но Захара не отпустило. Не нравились ему эти кренделя. Хотя и в драку кидаться не стоило. Лиля и без того думала о брате как о пропащем человеке. Не надо было подливать масла в огонь.

— Мы уже поговорили, — заявил второй парень.

Этот ростом повыше, но в плечах поуже. Лисьи глаза с жесткой хитринкой, острый нос, тонкие губы. Движения плавные, вкрадчивые. Но Захар видел, что они в любой момент могут стать быстрыми, резкими, смертельно опасными. Куртка на нем черная с длинным рукавом, в котором за просто могла находиться заточка.

— Еще раз возле сестры увижу!.. — Байкалов нарочно взял паузу, чтобы не озвучивать угрозу.

Он готов был биться смертным боем, но его слова все же могли показаться этим фруктам пустыми. В таких случаях нужно действовать, а не говорить.

— Тогда что? — спросил круглоносый тип.

Захар кивнул. Теперь ему все равно, что подумает о нем Лиля. Одного ударить в глаз, другого — в горло. Потом в пах, в нос, в солнечное сплетение.

Хитроглазый парень оценил решимость Захара, взял своего дружка под локоть и потянул его на выход.

— Все нормально, мы уходим.

— Что это было? — спросил Захар сестру.

— Да так, ничего. — Лиля отвела взгляд в сторону.

— Что ж, я никуда не иду.

— Да ничего серьезного. Правда! — Лиля спустила сына с рук, подтолкнула его.

Но Сашка не торопился уходить, сунул палец в рот, посмотрел на мать.

— Мужчина у меня есть, — тихо сказала она. — Мне намекнули, чтобы я от него отстала.

— Кто такой?

— Уже неважно.

— Уже?

— Меня предупредили, я все поняла. Не буду разрушать чужую семью.

— Так это жена его прислала?

— Попросила знакомых.

— Хочешь, я сам с ними поговорю?

— Не надо. Все правильно, нельзя крутить с чужими мужьями.

— Любишь его?

— Нет. Если бы любила, не отстала бы.

— Ничего, найдешь нормального мужика, не женатого.

— Найду. — Лиля принужденно улыбнулась. — Обязательно. — Она положила руку ему на плечо и подтолкнула в сторону остановки.

Территория огорожена, завезены материалы, установлен вагончик для строителей, но работа так и не начата. Цемент три сотни мешков, арматуры несколько тонн, доски, кирпичи. Перетащить бы все это на Кукуй-гору да взяться за свой дом.

Захар думал о доме в горах как о чем-то несбыточном, но в городе хватало таких персонажей, которым стройматериалы нужны были на

реальное дело. Поэтому ночью он старался не спать. Если уж сильно припрет, можно вздремнуть вполглаза, но лучше не расслабляться. Обход через каждые полчаса.

В сон его клонило со страшной силой. Захар держал глаза открытыми, а сознание его туманилось. В этом плывущем мареве вдруг появились люди. Они лезли через забор, со всех сторон стекались к вагончику.

Захар вскочил со стула, схватил остро заточенный арматурный прут, вылетел из вагончика. В лицо ему хлынул свежий предутренний воздух, сознание прояснилось, люди куда-то исчезли.

Захар тряхнул головой, подошел к умывальнику, плеснул в лицо холодной воды. Тут он увидел, как из вагончика выходит Зойка в одной футболке на голое тело. Это не мираж, а реальность. Очень даже неплохая.

Зойка сама напросилась к нему на дежурство. Пришла с наступлением темноты, взбодрила его бурным проявлением чувств, а после полуночи заснула.

- Приснилось что-то? — спросила она.
- Померещилось.
- Вурдалаки?
- Упыри. Надо бы Лильке позвонить.
- Зачем?

Захар пожал плечами. Неделя прошла с тех пор, как два ублюдка наехали на сестру. Она отказалась от кого-то там, и ситуация вроде как

успокоилась. А сегодня ему привиделись какие-то люди, которые действительно похожи были на вурдалаков из «Вия». Но так это со сна, ничего удивительного тут нет.

— Что зачем? Все равно неоткуда.

В сторожке телефона нет, частный сектор вокруг, но по домам Захар не пойдет. У него есть гордость и совесть. Да и зря он тревогу бьет. Что может случиться с Лилей?

Черепно-мозговая травма, ушиб головного мозга, перелом челюсти, носа, на лице нет живого места. Все-таки случилась с Лилей беда. Не зря Захар переживал.

Он стоял над кроватью сестры, сжимая кулаки.

— Это были они? — сквозь зубы спросил парень.

Лиля едва заметно качнула головой.

— Это были они, — сам себе ответил он.

Уже неважно, отказалась Лиля от своего любовника или нет. Он обязательно спросит за сестру. Пусть она его не отговаривает.

Дверь открылась, в палату вошел рыжеволосый мужчина с бегающими глазками. Под халатом на ремне висел портативный магнитофон, в руке — микрофон.

— Газета «Вестник Алтанайска»! Лилия Афанасьевна, всего один вопрос! — косо глянув на Захара, протараторил этот хмырь. — Правда, что вас избил ваш любовник?

Какое-то время Лиля удивленно смотрела на этого недоумка, затем с болезненным выражением лица качнула головой.

— Но есть свидетельства очевидцев!

Захар схватил корреспондента за грудки, с силой потряхнул. Тот с возмущением глянул на него. Захар не отличался богатырской статью. Среднего роста, худощавый, ничего выдающегося. Журналист был покрупнее, но Захар потряхнул его с такой легкостью, как будто держал за грудки соломенное чучело.

— Эй! — предупредительно прогудел корреспондент.

Но это лишь раззадорило Байкалова. Он стал выталкивать этого типа из палаты. Тот заупрямился, но парень пер на него с мощью бульдозера.

Он вывел журналиста из палаты, прижал его к стене и заявил:

— Ты что, не видишь, урод? Она же говорить не может!

Говорить Лиля могла, но каждое слово давалось ей с трудом. Вдобавок она не должна была отвечать на идиотские вопросы.

— Ты кто такой? — простонал журналист, дернулся и наконец-то затих, понял, что сила в руках у Захара нешуточная, а хватка — железная.

— Что ты там про любовника говорил? — Парень еще раз потряхнул его и разжал руки.

— Ну ты вообще!.. — ошупывая рукой магнитофон, протянул корреспондент. — Я сейчас милицию вызову!

Захар ударил его в живот, не особенно сильно, но точно и на вдохе.

Журналист чуть не расплакался от боли, усиленной чувством беспомощности.

— Кто любовник?

— Начальник ее, Горошин Виталий Дмитриевич...

Про Горошина, который взял его на работу, Захар не мог не знать. С ним самим, правда, он не встречался, но это не суть важно.

— Я про любовника спросил!

— Так он и есть ее любовник!

— Горошин ее избил?

— Есть такая информация.

— Сунешься к сестре, убью! — Захар показал корреспонденту кулак, затем приложил ладонь к его груди.

Он не давил, но журналист впечатался в стенку и хрюкнул от боли.

Откатные ворота, проходная, благоустроенный двор перед административным зданием. В стороне видны гаражные боксы, строительная техника на площадке перед ними. В здании чисто, казенным духом не пахнет. В приемной сидела миловидная секретарша, в директорском кабинете — представительный мужчина с квадратным лицом. Седые волосы, модельная стрижка, лощеная физиономия, дорогой костюм. Пожалуй, так и должен выглядеть успешный бизнесмен.

— Молодой человек!.. — запоздало спохватилась секретарша.

Но Захар уже переступил порог кабинета и закрыл за собой дверь.

Он стремительно шел через кабинет, наблюдая, как директор менялся в лице. Во взгляде удивление, растерянность, но страха пока нет. Сейчас будет!

Захар врезался в Горошина, большой палец левой руки загнал ему в ноздрю, а правой — за щеку. Нос отжал в одну сторону, щеку — в другую. Вот теперь в глазах Лилькиного любовника появился страх — дикий, животный. Захар подписал себе увольнение, но разве могли его сейчас волновать такие мелочи?

— Ты зачем Лилю избил, падла?

— Я никого не избивал!

Распахнулась дверь, в кабинет ворвался рослый крепкий парень. Он с ходу взял Захара в прицел маленьких, пышущих стужей глаз, ринулся на него.

Громила собирался ударить его кулаком в голову, но Захар отпустил Горошина и прошмыгнул между креслом и стеной. Парень расценил это как позорное бегство, рванул за ним. Но Захар развернулся к нему лицом. Когда громила оказался в узком пространстве между креслом и стеной, он ударил его пальцами в глаза.

Был у них в зоне один спец. Захар научился у него многим разным штучкам. Глаза, нос, горло, грудинные косточки, ключицы...

Захар отнесся к противнику серьезно, поэтому не позволял себе размахнуться для удара, терять на этом драгоценное время. Он бил коротко, но быстро, не давал громиле опомниться. Когда тот наконец-то потерялся, парень оформил свой успех размашистой боксерской двойкой, которой и сшиб его с ног.

— Так, хватит! — Горошин встал между ним и своим телохранителем. — Никого я не бил!

— Я был у сестры! У нее сломана челюсть!

Захару хватило ума осадить себя. Он кое-как удержал руку, которая шла на удар.

— Да, мне звонили, сказали. Но я ни в чем не виноват!

В бой рвался и громила, но Горошин сдержал его движением руки.

— А кто виноват?

— С чего ты вообще взял, что это я?

— Из газеты приходили! У них есть свидетельства очевидцев!

— Что они еще говорят?

— Что ты избил свою любовницу.

— Во-первых, не «ты», а «вы». — Горошин глянул на телохранителя, который встал сбоку от него.

— А во-вторых? — Захар тоже посмотрел на громилу, прикидывая, как отбить возможную атаку.

— А во-вторых, я баллотируюсь на пост главы городской администрации! Твоя сестра — мое большое место. По нему и бьют!

— Кто?

— Конкуренты!

— Зачем?

— Ты что, ничего не понимаешь? — Горошин глянул на Захара как на деревенского дурачка. — Сейчас во всех новостях будет, что кандидат в мэры избил свою любовницу! Это удар ниже пояса! Меня хотят вывести из борьбы! Теперь понимаешь?

Захар неуверенно кивнул. Да, он все понимал, Горошина могли подставить. А если не было ничего такого? Вдруг журналист работал по факту? Горошин избил Лилю, и в газете об этом узнали. Он мог. Мужик здоровый, кулаки крепкие.

В то же время ссадин на кулаках не было. А Лилю били с размахом, от души.

— Значит, из газеты, говоришь, были? — Горошин в раздумье сжал пальцами щеки.

— Да, был один в больнице, с микрофоном.

— Как фамилия?

— Не знаю. Сказал, что из «Вестника Алтанайска».

— А как выглядел?

— Рыжий. Так и выглядел.

— Из «Вестника Алтанайска», говоришь?

Захар кивнул, с подозрением глядя на Горошина. Он все никак не мог избавиться от ощущения, что этот жук водит его за нос.

— Есть там рыжий. Золотарев. Надо бы с ним поговорить. — Горошин выразительно глянул на своего телохранителя.

— Мне съездить? — как-то не очень весело осведомился тот.

— Съездить. Поговорить. Послушать. В глаза посмотреть. Думаю, от Посыхова ветер дует.

— Так он мне и скажет от кого.

— Кто такой Посыхов? — спросил Захар.

— Главный мой конкурент. Знаешь, что такое грязные технологии?

— Догадываюсь.

— Твоя сестра стала их жертвой.

— Я поговорю с Золотаревым. Если это Посыхов, буду с ним разбираться. Если вы вдруг!.. — Захар глянул на Горошина с ледяным спокойствием в глазах.

Все, больше никаких угроз. Дальше только действие. Если Горошин виноват, то его место в больничной палате по соседству с Лилей. Но тут не говорить надо, а направление в больницу выписывать, сразу по всей холеной морде.

Мотоцикл стоял напротив редакции. Захар в шлеме и очках сидел в люльке и спокойно смотрел на входные двери, не рискуя быть узнанным.

Рыжий тип вышел из редакции ровно в шесть вечера и сел в свою тачку. Захар позволил ему отъехать, затем завел мотоцикл и спокойно нагнал его.

Корреспондент жил на южной окраине города. В конце пути его машина скрылась в воротах гаражного кооператива. Захар лишь улыбнулся,

останавливая мотоцикл. Место здесь было достаточно глухое. Чуть в стороне высился жилой массив, к которому вели дорога и тропинка, тянувшаяся между троллейбусным депо и автосервисом.

Золотарев свернул на тропку. Там Захар его и нагнал.

— Гоп-стоп!

Рыжий остановился, дернулся как ужаленный, развернулся, взбудораженно глянул на Захара, вынул из кармана нож-«бабочку» и раскрыл его.

— Ух ты!

— Уйди!

— Ага, сейчас! — Захар вытянул руку.

В ладони у него лежал кнопочный нож, но лезвие было спрятано.

— Знаешь, почему я не раскрываю перо? — с хищным оскалом спросил он.

— Я сказал, пошел отсюда! — Рыжий водил ножом из стороны в сторону, но Байкалов чувствовал, что никакого опыта в этом деле у него нет.

Хотя полоснуть он мог. Случайно. Если подставиться.

— Ты баклан! Поэтому можешь махать крыльями сколько угодно. А я человек реальный, если открою нож, то мне придется тебя порезать. — Захар давил противника взглядом, неторопливо приближался к нему. — Так что спрячь нож. Давай поговорим.

— Пошел вон! — Рыжий продолжал рассекать воздух острием ножа.

При этом его колотило изнутри, и рука подрагивала.

— Брось пику! — гаркнул Захар.

Золотарев дернулся так, как будто в дерьмо наступил. Нож вывалился из его руки. Он по глупости наклонился за ним. Тут Захар и ударил его ногой в лицо, которое тот подставил.

Корреспондент отскочил в сторону, закрыл физиономию руками. Но пальцы он развел, чтобы можно было наблюдать за Захаром.

— Я с тобой нормально хотел поговорить, а ты заточкой машешь. Нехорошо это. — Захар держал свой нож так, как будто собирался его раскрыть.

— Что тебе нужно?

— Наконец-то нормальный вопрос. Кто тебе статью заказал?

— Какую статью?

— Про мою сестру. Про Горошина.

— Никто! — Золотарев распахнул глаза, как будто это могло убедить Захара в его искренности, и развел руки в стороны, раскрыв лицо.

— Посыхов сам к тебе подходил? Или кто-то из его людей?

— Не понимаю, о чем разговор.

Захар выщелкнул лезвие, и Золотарев дернулся так, как будто облегчился в штаны.

— Кто?

— Подходил человек, — пролепетал журналист.

— От кого?

— Я не знаю!

— Знаешь. Но можешь не говорить. Уже все равно. — Захар отвел в сторону руку, как будто собирался полоснуть корреспондента ножом по горлу.

— Не надо! — Золотарев шарахнулся назад, закрыл шею руками и врезался спиной в столб.

— Я достал нож. Извини, но уже поздно крутить назад.

— Вспомнил! У него шрам здесь был! — Рыжий тип ничего не показывал, он просто стоял, закрывая горло руками.

— Где?

— Здесь! — Золотарев отнял руки от шеи, провел пальцами по горлу.

— Так это я его пописал! — приврал Захар. — Выжил, гад! — Парень снова замахнулся ножом. — Посмотрим, как тебе повезет!

— Не надо! — Корреспондент зажмурился в ожидании удара.

— Что за человек?

— Он от Ставра пришел.

Со Ставром Захар дел не имел, но слышал о нем. Бригада этого авторитета в свое время обложила данью всех торгашей на рынках, коммерсантов стригла под ноль. Жак даже пытался примкнуть к банде, но у него ничего не вышло. Пацан был рослый, накачанный, боксом всерьез занимался, но не взяли его. Может, возрастом не вышел.

Восточный район тогда взял под себя Сарай, сколотил бригаду, поставил всех на уши. Жак рванул к нему, но и там его не признали за своего.

— Они сказали, что у меня могут быть проблемы, — выдал Золотарев.

— А Ставр каким боком к Посыхову?

— Это вода на его мельницу. Я думаю, Ставр Посыхова двигает.

— Куда двигает?

— Туда! — Рыжий фрукт вознес глаза к небу.

— Карманный мэр будет? — Захар усмехнулся.

— Чем черт не шутит.

— Я все понял.

— Я тебе ничего не говорил.

— И ножа у тебя не было, — сказал Захар и поднял с земли «бабочку». — Нельзя тебе, а то порежешься.

— Это не мое. Мне отдать надо!..

— Получишь, если скажешь, как мне на Посыхова выйти.

— Он горгазом заведует.

— А про Ставра что знаешь?

— «Алтанай-банк» у него. Улица Королева, сорок семь. Ты что, с ним поговорить хочешь? — спросил Золотарев и нервно усмехнулся.

— Ты ведь не скажешь ему об этом, не так ли?

— Зачем?

— Вот и я думаю, зачем тебя сдавать?

— Меня?

— А разве ты не сдал мне Ставра?

— Я сдал?! — Журналист задумался.

— Да ты не переживай, я могила. Твоя. Все, бывай! — Захар похлопал Золотарева по плечу, повернулся к нему спиной и побрел к мотоциклу.

— Эй, а нож? — донеслось сзади.

Захар ничего не сказал, но сделал еще несколько шагов и разжал руку. «Бабочка» упала на землю. Дал слово — держи.

Глава 3

От глаз остались узкие щелочки, нос распух, губы как плюшки. Обычное дело после драки.

— Ну и рожа у тебя, Шарапов! — заявил Ставр и ухмыльнулся.

— Не смешно! — прошепелявил Посыхов, обнажив проплешины в рядах передних зубов.

Челюсть у него вроде бы не сломана, а зубы выбиты. Хорошо с ним кто-то поработал, ничего не скажешь. Неужели Шантан постарался?

— А я, по-твоему, к тебе смеяться приехал? — осведомился Ставр.

У Посыхова серьезное сотрясение мозга. Врачи заставили его лечь в больницу и правильно сделали.

— Я же просил только поговорить. — Посыхов тяжело вздохнул.

— С кем? — не понял Ставр.

— Ну, с этой, с любовницей. А она здесь, в больнице.

Ставр кивнул. Да, это была его идея избить любовницу Горошина. Ее приложили конкретно. Но Горошин, наверное, пожаловался Шантану, а тот сделал крайним Посыхова. На Ставра замахнуться побоялся. Правильно, не той он весовой категории, чтобы тягаться с реальным хозяином города. Хотя, в общем-то, мужик конкретный. За два года рынок отгрохал на границе с Центральным округом. На средства городской администрации, но в свою собственность. Бригада у Шантана тоже конкретная.

— Рассказывай.

— Да что рассказывать! Выскочил как черт из табакерки! Я и понять ничего не успел!.. — Посыхов скривился, приложил ко рту ладонь.

— Кто выскочил?

— Брат этой...

— Чей брат?

— Любовницы.

— Один?

— Я же говорю, как черт из табакерки. Смотрю, Ждан уже лежит. А мне кулаком — бац!.. Я пополам, а он мне в лицо ногой...

— Давай без подробностей, — заявил Ставр.

Как бывает в драке, он знал и по себе. Вырос на улице, в зоне хлебнул, а на спортивных схватках так и вовсе собаку съел. Черный пояс по карате, много учеников, самые лучшие у него в бригаде. Сам Ставр сейчас в белых перчатках, а они да, подставляют за его интересы. По-

сыхов должен гордиться тем, что пострадал за босса.

— Сказал, что это мне за сестру, — буркнул Посыхов.

— За какую сестру?

— Любовница Горошина — его сестра.

— А ты здесь при чем?

— Он думает, что это я ее заказал. Глаза злые, как у черта!..

— Как же ты теперь с такой рожей?

— Вот и я о том же.

— Статья уже вышла, — в раздумье проговорил Ставр. — Горошин понял, кто на него наклепал, и спросил с тебя. Ты жертва Горошина, понял? Его люди тебя на обмолот пустили.

— Мне от этого легче?

— Хотя нет, газета здесь ни при чем. Горошин хочет выбить тебя из игры без всяких яких. Ладно, жертва беспредела, выздоравливай!

Посыхов подавленно вздохнул, глядя на него глазами побитой собаки.

Ставр даже не стал спрашивать, в какой палате лежит любовница Горошина. Она всего лишь разменная монета в его игре. Ее не жалко. Посыхова тоже. Плевать, кто его избил.

Ставр считал себя личностью первой величины. «Мерс» у него шестисотый, охрана будь здоров. Он спускался с крыльца. Люди расступались перед ним, замирали, заискивающе смотрели в глаза, а за спиной неслышно сыпали про-

клятиями. Он к этому привык. Черная зависть даже грела его душу.

Но жилистый паренек среднего роста с черными как ночь глазами почему-то не сдал в сторону и вдруг оказался у него перед носом. Ставр вынужден был остановиться.

Мордастый браток среагировал запоздало, но пацана все же остановил. Быки схватили его под локти, могли отшвырнуть в сторону как шкодливого щенка или разорвать на части. Однако Ставр подал знак, и парень остался на месте.

— Я знаю, это ты мою сестру обидел! — выплеснул он.

Быки держали его крепко, он никак не мог вырваться, но под его лютым, отмороженным взглядом Ставр не чувствовал себя в безопасности. У него даже холодок по спине пробежал. Черты лица у парня жесткие, резкие, взгляд дикий, сам он как сгусток взрывной энергии. Не человек, а шаровая молния. Но так ли он опасен на самом деле? Мало произвести впечатление, надо его подтвердить.

— Ты откуда такой взялся? — осведомился Ставр.

Голос его дрогнул, и это ему не понравилось. Было бы перед кем ловить мандраж.

— Ты должен застрелиться! — заявил парень, в глазах которого вспыхнули сумасшедшие огоньки.

Он точно был одержим бесом.

Братки смотрели на Ставра, ловили отмашку и получили ее. Ставр кивнул, и они оттащили пацана в сторону.

Ставр сел в машину и поглядел на парня, которого его люди катали по двору. Били они его жестоко, в шесть ног. Но на земле он не залежался, поднялся и рванул к «мерсу».

— Поехали!

Машина тронулась с места, парень исчез из вида.

Но Ставр вдруг услышал его голос:

— Застрелись!

Докричаться тот до него физически не мог, значит, ему померещилось. Но этот отморозок произвел на него реально сильное впечатление. Не каждому такое дано.

Останавливать своих бойцов он не стал. Если убьют пацана, то туда ему и дорога. А ментов Ставр не боялся. Он шел вперед широким шагом, но и о тылах не забывал. Все у него было схвачено и подмазано.

Ставр уже подъезжал к банку, когда зазвонил телефон.

— Геннадий Лукьянович?

Он узнал голос. Звонил подполковник Цветов, заместитель начальника Центрального РОВД. Ставр поморщился. Неужели пацана забили до смерти?

— Да, Паша, — устало отозвался он.

— Тут у нас ваша дочь.

- Что там опять?
- Человека избила.

Ставр зло цокнул языком. Он растил дочь как мужчину. Закалял ее с детства, заставлял заниматься карате, учил терпеть боль и не жаловаться. Со временем она вошла во вкус, увлеклась физическим и духовным совершенствованием.

Но природу не изменить. Жанна выросла и стала капризной девчонкой с явными признаками стервы. Ее легко было обидеть, но всякий раз, когда это происходило, она просила о помощи не у кого-то, а у себя и давала волю кулакам. Не уступили дорогу — в морду, сказали, что-то не так — в печень, а если матом послали, то увечье гарантировано. Все с истерикой, со скандалом. Ставр уже давно пожалел о том, что научил Жанну драться.

- Кого конкретно? Мужчину или женщину?
- Парня.
- А парень что, не мужик?
- Он в больнице, в реанимации. Все очень серьезно.
- Еду.

Ставр отключил телефон и велел водителю изменить курс. Если человек в реанимации, значит, дочь отдадут не иначе как ему на руки. Но сажать ее не будут, он в этом не сомневался.

В голове каша с острыми обломками топора, в глазах красная муть, в животе ливерный паштет, лицо всмятку. Но Захар не унывал. На самом

деле не так уж все плохо — челюсть целая, зубы не выбиты, в ребрах трещины, но переломов как таковых нет. И все потому, что кость у него тяжелая, крепкая. Сколько раз его избивали в хлам, и ничего, жив до сих пор, а до недавнего времени был еще и вполне здоров.

Он и сейчас бы не стал обращаться к врачам, но быки Ставра избили его во дворе больницы. Пока они выколачивали из Захара пыль, никто ничего не замечал, но стоило браткам исчезнуть, как появились санитары с носилками. Так он и оказался на больничной койке. Перед глазами все плыло, голова кружилась, все тело побаливало, но в целом ничего, жить можно.

— Значит, не знаете, кто вас избил? — спросил следователь с вихрастой головой, который торопливо записывал показания гражданина Байкалова, не отрывая глаз от протокола.

Парню казалось, что он просто не мог смотреть ему в глаза от стыда. При желании совсем нетрудно установить виновников происшествия, но бросить вызов самому Ставру — дураков нет!

— Не знаю.

У Захара имелись принципы. Он не мог сдать ментам своего обидчика, должен был разобраться с ним сам.

— Значит, они подошли к вам и стали бить. Раньше вы их не видели? — спросил следователь.

— Нет, не видел.

Следователь закончил свою писанину, дал Захару прочитать протокол, предложил расписаться и был таков.

Только он ушел, как появился сосед по палате, парень примерно одного с Захаром возраста. Его оформили на постой вчера, из реанимации. Кто-то не по-детски врезал ему в глаз, верхней, в надбровную дугу. Доктора думали, кровоизлияние в мозг, но это был просто болевой шок. Вокруг глаза все распухло, но ничего смертельно опасного не было. Все же лечащий врач выписывать парня не стал, решил подержать его под наблюдением.

— Ну и что? — спросил Сева.

— Ничего.

— Не сказал?

— Нет.

— И правильно. Какой дурак со Ставром связываться будет?

Захар удивленно глянул на Севу.

Тот усмехнулся, махнул рукой и заявил:

— Да все уже знают, кто тебя отрихтовал. Кто у нас еще на шестисотом «мерине» ездит?

— Он в этом шестисотом и сидел, когда меня рихтовали.

— Стал бы он сам руки о тебя марать.

Захар глянул на соседа как на назойливую муху и закрыл глаза. Он решил, что сейчас полегит немного и отправится к сестре. Можно будет и к Посыхову в палату заглянуть. Все они тут, в одном отделении. И смех и грех.

Захар и сам понимал, что вел себя слишком уж борзо, но ничего не смог с собой поделаться. Увидел Посыхова, представил, как эта сука дает отмашку на его сестру, и моча стукнула в голову. Потерял всякий контроль над собой.

А потом и Ставр нарисовался. Он от Посыхова возвращался. На Захара снова накатило. Он не смог пробиться через свиту этого поганца. А жаль.

— Да ты не обижайся. У меня тоже из-за Ставра проблемы, — сказал Сева.

Захар открыл глаза и спросил:

— Это как?

— Меня его дочка отоварила.

— Дочка?!

Сева выглядел внушительно. Рост метр восемьдесят, косая сажень в плечах, а какая-то девчонка его уделала. Может, сковородой заехала?

— Я ей спокойно говорю, девушка, вас тут не стояло. А она мне — бац. Я даже понять ничего не успел.

— Где бац?

— В очереди к нотариусу.

— Зачем тебе нотариус? Завещание составлял?

— Она мне так и сказала. — Сева угрюмо усмехнулся. — Завещание, говорит, в другом кабинете оформляют.

— Ты ее туда послал?

— Не совсем так.

— Но бац получил.

Тут дверь открылась, и в палату зашла стройная девушка с пышными темно-русыми волосами. Под белым халатом в накидку синяя кофточка с декольте, джинсы в обтяжку. В ушах сережки с сапфиром, на пальце перстень с таким же камнем. Глаза того же тона. Очень красивые, необычные. Да еще и бюст никак не меньше четвертого размера. Это при тонкой талии, узких бедрах и длинных ногах.

Девушка скользнула взглядом по Захару и цепко посмотрела на Севу. Тот всполошился, подобрался и зачем-то сжал кулаки.

— Завещание составил? — спросила она.

— Зачем завещание? — Голос у парня поплыл, подпрыгивая над волнами.

— Шучу. Ты это, извини. Я погорячилась! Ладно?

— Ну, хорошо.

— Что хорошо? — Барышня хищно сощурилась.

— Прощаю, — буркнул Сева.

— А я разве у тебя прощения прошу? Я сказала «извини». Ты должен ответить «извиняю».

Она определенно издевалась над ним. Захар смотрел на нее возмущенно. Но почему-то и с восторгом.

— Извиняю.

— Вот и хорошо.

— Я заявление писать не стал, — сказал Сева.

— А ты? — Девушка вдруг вонзила взгляд в Захара, с размаху, глубоко.

Он уже понял, что имеет дело с дочерью, вполне достойной своего отца.

— Ты из процедурной? — спросил парень.

— Что?!

— Я смотрю, клизмы на ходу вставляешь.

— Тебе не клизму, а вскрытие нужно делать.

— Стесняюсь спросить, чем? — Захар поднялся с кровати, встал в полный рост.

Мало ли какая блажь найдет на эту сучку. Вдруг набросится на него с кулаками?

— А ты реально борзый! — заявила девица.

Парню казалось, что она совсем не прочь была испытать его на прочность. Даже свой халат за лацканы взяла, чтобы сбросить его и накинуться на Захара. Но что-то ее сдерживало. То ли она воспринимала его как инвалида, которого нельзя трогать, то ли боялась схлопотать в ответ. Эта особа, похоже, знала, кто такой Захар. Да, от отца и его быков ему прилетело, но тот же Посыхов тут, на больничной койке. Да и его телохранителю конкретно досталось.

— Ты кто такая?

— Я смотрю, мало тебе навесили.

— Меня Захар зовут.

— Да знаю я. Тебя в психушку еще не перевели?

— С тобой хоть на край света.

— Не заслужил ты такой чести! — заявила она с истеричными нотками в голосе и повернулась к нему спиной.

— Эй!

Она замерла, наострила уши.

— А как зовут, не сказала.

— Да пошел ты!.. — Барышня вышла из палаты и громко хлопнула дверью.

— Жанна ее зовут, — с ошеломленным видом сказал Сева.

— Ее не зовут. — Захар качнул головой. — Она сама приходит.

— Ну ее к черту! — Сева махнул рукой в сторону двери.

Захар лег на кровать, закрыл глаза и подумал, отгоняя от себя образ Жанны:

«Девушка она, конечно, необыкновенная. Зажигательная, взрывная, но с такой жить — как по минному полю идти. К тому же дочь моего лютого врага. Нет, мне с ней не по пути. Свалила, вот и хорошо».

Люди только на вид сделаны из одного теста. На самом деле в ком-то действительно преобладает мягкая, податливая, расползающаяся масса. А в ком-то — стальной каркас и каменное наполнение. Артамон был как раз из таких — ударопрочный, жаростойкий, каменное спокойствие, холодный взгляд. Ставр пытался давить на него, но без толку. Тот не гнулся, не

ломался, сидел и смотрел на Ставра с полным равнодушием.

— Я говорил с Джином. Он готов пойти с тобой на мировую.

— Я не готов, — заявил Артамон.

Да, это был прирожденный лидер, сильная волевая личность. В девяносто четвертом году о нем никто ничего не знал, и вдруг нате вам, получите. Выскочил откуда-то вместе со своей командой, подмял под себя половину Западного района, промышленную его часть. Джин опомнился, встал в глухую оборону и кое-как смог остановить Артамона. Но задвинуть его обратно не хватило сил. Так и стояли они лоб в лоб, время от времени перестреливались. Не так давно пацана какого-то похоронили.

— Деньги любят тишину, — сказал Ставр. — А от стрельбы они разбегаются.

— Не знаю, нормально все.

Артамон имел массу достоинств, но у него хватало и недостатков, главным из которых было скудоумие. Будь он хоть немного потолковее, Джин уже давно стал бы достоянием истории. Сейчас Артамон выжимал бы Ставра из его владений. И бригада у него серьезная, и материальная база солидная — нефтехимический комбинат, шинный завод, мебельная фабрика, крупное производство лаков и красок. Все предприятия вроде под крышей, но полного контроля там нет и не предвидится. А Ставр мог бы наложить на этот бизнес лапу. Для этого ему и нужен был Артамон.

— Пока ты бодаешься с Джином, не нормально, — проговорил Ставр.

— Это мои проблемы.

— В том-то и дело, что это проблемы. Их нужно решать.

— Мои проблемы, мне и решать.

— Я мог бы помочь.

— Я сам.

Ставр едва заметно качал головой, глядя на Артамона. Он хотел заключить с ним союз, чтобы затем уничтожить Джина, его конкурента, и получить в обмен рычаг давления на предприятия, которые должны стать клиентами «Алтанай-банка». Но Артамон никак не хотел идти на контакт. А раз так, то лучше и не поднимать вопрос о бизнесе, подконтрольном ему. Отказ от предложения — это сам по себе удар по авторитету, а вместе с тем и по самолюбию.

— Ладно, разбирайся сам, — заявил Ставр.

— Тогда бывай! — Артамон поднялся из-за стола, с шумом отодвинул стул и направился к выходу.

Широкоформатные быки в коже обступили его со всех сторон и взяли в сопровождение. Впрочем, Ставр не собирался его убивать. Во всяком случае, сегодня.

Надо будет встретиться с Джином и заключить союз с ним. Пора брать под контроль весь этот чертов город. Пока это не сделал кто-то другой.

«Алтанай-банк» размещался в трехэтажном здании с высоким и широким крыльцом, которое с трудом просматривалось с дороги. Пышные липы росли вдоль обочины, а перед самым домом стояли ели с голубой хвоей. Здание имело внутренний двор. Это был большой плюс для Ставра. Ворота открывались автоматически. Его машина даже не останавливалась, подъезжала к ним и скрывалась во внутреннем дворе.

Спрашивается, как подобраться к этому козлу? Впрочем, если бы Ставр заходил в банк с улицы, то это обстоятельство мало что изменило бы. У него целый выводок телохранителей. Захар однажды уже пробовал прорваться сквозь них. Тогда он хотел просто поговорить со Ставром, посмотреть ему в глаза, а сейчас рвался отомстить как за сестру, так и за себя. Если этот парень заданя такой целью, то рано или поздно он добьется своего или ляжет в землю. Одно из двух, третьего не дано.

Захар еще раз окинул взглядом здание банка, крутанул ручку газа, стронул мотоцикл с места и покатил к больнице. Сегодня выписывалась Лиля, он должен был ее забрать. Да и нельзя ему долго стоять у банка, можно примелькаться.

Проезжая мимо ворот, он увидел, как они открываются. На улицу выехал знакомый «Мерседес». Грех было не сесть ему на хвост.

Глава 4

Копейка к копейке, рубль к рублю, миллион к миллиону — только так можно сколотить капитал. Ставр не считал себя жадным, но деньгами разбрасываться не привык. Себя он не обижал. Крутая тачка и роскошный дом — это прежде всего. Для охраны он приобрел дорогой джип. А вот дочери в хорошей машине отказал, купил подержанную иномарку, пусть катается. Да и квартиру в центре города не взял, хотя она об этом просила. Дом у них есть, пусть там вместе с матерью и живет.

А любовнице квартиру подарить надо. Машина у Варвары есть, совсем новенькая. А теперь вот и квартира появилась. Все это за красивые глаза. За ту любовь, которую она ему дарила.

Дом в центре, с видом на реку, квартира двухкомнатная, на верхнем этаже. Ремонт уже сделан, осталось завезти мебель.

— Это все мне? — Варвара замерла от восторга.

Она зажмурилась и не решалась открыть глаза. Вдруг вся красота исчезнет и останется только разбитое корыто? Да, эта женщина могла так подумать. Потому что дурочка. В хорошем смысле слова. Простая и наивная, но такую Ставр ее и любил.

— Ну а кому еще?

Варвара открыла глаза и ярко улыбнулась. Квартира не исчезла, немолодой любовник не превратился в старика без золотой рыбки.

— Ты такой хороший! — Варвара обняла Ставра, поцеловала его в губы.

Он захмелел от приятных ощущений. Скоро будет полгода, как они вместе, но Ставр ничуть не разочаровался в ней. Чувства цвели и пахли, даже не думали увядать и осыпаться.

За дверью вдруг послышались голоса. Кто-то на кого-то кричал. Гневный голос был женским. Ставр напрягся. Он знал, кто это может быть.

Дверь открылась.

— Геннадий Лукьянович!.. — обескураженно крикнул телохранитель.

В комнату вошла Жанна. Водолазка, кожаный пиджачок, джинсы в обтяжку — вся в черном. Да и настроение точно такое же. Девчонка хищным взглядом вцепилась в Варвару.

— Я вам тут не помешала? — в язвительном тоне спросила она.

— Вообще-то помешала, — выдавил из себя Ставр.

Он чувствовал себя в подвешенном состоянии. Что ни говори, а Жанна накрыла его с личным.

Ставр не собирался порывать с женой. Ирина мало интересовала его как женщина, но Ставр уважал ее как друга. Много всего вместе пережито, не один пуд соли съеден. Но сколько ни